

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В
УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ***

©2019 г. А.Л. Журавлев*, Д.А. Китова**

*Академик РАН, научный руководитель, заведующий лабораторией, ФГБУН Институт психологии РАН, лаборатория истории психологии и исторической психологии; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1; e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, там же;
e-mail: j-kitova@yandex.ru

Поступила в редакцию 25 октября 2019 г.

Аннотация. Проблемы качества жизни человека и общества приобретают особую политическую, экономическую и социальную остроту во всем мире. Проблема актуальна и для России: уровень жизни и уровень субъективного благополучия россиян на протяжении многих лет остаются относительно низкими. Для выхода из сложившихся условий обществу необходимо определиться с детерминантами порождения социально-экономических проблем, выявить их структурные элементы, закономерности функционирования и циклические периоды развития общества. При такой постановке задач невозможно переоценить регулирующую роль многочисленных, в том числе социально-психологических, факторов, которые все интенсивнее включаются в интегративные модели оценки качества жизни на макро-, мезо- и микроуровнях. К микро-психологическому уровню можно отнести уровень жизни конкретного человека и его семьи, на мезо- и макроуровне можно говорить о вкладе человека в экономическое развитие, организационного, регионального и общегосударственного уровней. Тем не менее, до сих пор социально-экономические феномены не рассматриваются как интегральный продукт жизнедеятельности общества (или самореализации личности), что выступает вызовом для междисциплинарных исследований.

* Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0159-2019-0006.

Обращение к современным «цифровым ресурсам» науки позволит получить новые знания, выявить «зоны» общественного развития, оценить возможные варианты управляющего воздействия, моделировать интенсивность и временные перспективы устойчивого¹ развития страны.

Ключевые слова: устойчивое развитие, индексы развития, уровень жизни, субъективное благополучие, психологические детерминанты, цифровизация науки, управляющее воздействие, социальные технологии, психологические механизмы

Политическая система выступает ведущим механизмом управления общественным развитием, что сопряжено с поисками векторов социального регулирования и надежных критериев их измерения для принятия важных государственных решений. Большинство современных государств в качестве базовых целей такого развития рассматривает улучшение качества жизни своих граждан: предоставление гарантий безопасности и достойных условий жизни, создание здорового общества, условий и предпосылок для самореализации и т.д. Все это требует не только разработки критериев качества жизни, включающих в себя экономические, социальные и психологические составляющие, но и обращения к психологическим (шире – человеческим) факторам, обуславливающим экономический рост государства и стабильность его социального и политического развития (Журавлев и др., 2017; Макропсихология современного..., 2009; Психологические исследования глобальных..., 2018).

В последние десятилетия качество жизни населения все интенсивнее связывается с раскрытием, учетом и исследованием психологических механизмов *субъективного благополучия* личности. В современной научной литературе разрабатываются диапазоны экономического благополучия и неблагополучия, пересматриваются стандарты благосостояния, представляются

¹ Устойчивое развитие – развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности.

эмпирические доказательства существования феномена субъективной шкалы благосостояния (СШБ), описываются ее типы и основные параметры (Хащенко, 2011).

К примеру, в 2013 г. Организация экономического сотрудничества и развития разработала рекомендации по оценке субъективного благополучия, которые призывают учитывать три фактора:

- оценку жизни – рефлексивную оценку человеком своей жизни в целом или конкретных ее компонентов;
- аффекты – оценку человеком своих чувств и общего эмоционального состояния, как правило, в заданных временных рамках;
- эвдемонию – чувство смысла в жизни, хорошее психологическое состояние.

Первая международная попытка дать оценку глобальному уровню субъективного благополучия, его причинам и последствиям связана с разработкой индекса счастья. *Индекс счастья* рассчитывается с учетом пяти показателей²: *ВВП по ППС на душу населения* с поправкой на инфляцию; *ожидаемая продолжительность жизни здорового человека* (источник: World Health Organization); *социальная поддержка* (источник: Gallup World Poll); *свобода жизненного выбора*; *щедрость (благотворительность)*; *восприятие коррупции*.

Еще один важный источник сведений о качестве жизни – *Всемирный обзор ценностей*, связанный с глобальным исследованием ценностей людей и их изменений со временем. Эти исследования установили высокую созависимость качества жизни общества и чувства экзистенциальной безопасности его членов. Чем выше качество жизни в конкретном обществе,

²Рейтинг счастья по странам. Всемирный доклад о счастье 2018. URL: <https://theworldonly.org/tag/indeks-schasty/> (дата обращения 14.09.2019).

тем сильнее чувство экзистенциальной безопасности – вера в то, что жизнь достаточно безопасна, чтобы считать возможность «выживания» само собой разумеющимся условием (Балаев, 2015).

В рамках всего российского общества представленную тенденцию можно рассматривать как необходимость переоценки интересов, ценностей и целей общественного развития основной массой населения, что в силу своей психологической природы, не может быть произведено быстро (подробнее о социально-психологических критериях государственного управления см.: Психологические исследования глобальных..., 2018). Рассмотрим такого рода психологические закономерности подробнее.

Микropsихологические факторы социально-экономического развития общества

Психологические исследования, проведенные в Институте психологии РАН еще в 1980-е, а затем и в 1990-е годы, направленные на изучение типичных изменений социально-психологических феноменов, позволили прийти к пониманию того, что социально-экономические факторы воздействуют на разных людей неодинаково. Дифференциация восприятия социальных ситуаций может определяться, например, характером ценностных ориентаций, а их изменения (ценностных ориентаций), в свою очередь, также происходят по-разному – это динамический аспект рассматриваемой проблемы (Журавлев, 1998 и др.).

В результате этих исследований было установлено, что эффект социального воздействия во многом определяется социально-психологическими типами самих людей. В частности, оказалось, что такие мотивационные предпочтения как «высокая, средняя или низкая напряженность работы» и «высокий, средний или низкий материальный доход от работы», оказались не жестко связанными между собой, часто даже относительно

независимыми в совокупности предпочтений условий совместной трудовой деятельности. В тот период удалось выделить пять принципиально различных групп, отличающихся друг от друга соотношением указанных видов мотивации: «предпочитаю напряженный труд при высоком материальном доходе» (1), «предпочитаю высокий материальный доход в комфортных (не напряженных) условиях труда» (2), «предпочитаю низкий материальный доход, но и низкую напряженность работы» (3), «предпочитаю напряженно трудиться («по-человечески», «как привык всегда»), а уж сколько заплатят, столько заплатят» (4), «предпочитаю средний материальный доход и среднюю напряженность работы» (5).

В приведенных результатах значимо то, что экономические факторы непосредственно могут и *не детерминировать* социальную активность, поведение или деятельность человека, так как их воздействие опосредствуется социально-психологическими типами людей.

Следующая выявленная нами позиция связана с существованием *гетерохронности* не только в динамике межгрупповых и внутригрупповых отношений, но и в интенсивности взаимных влияний социально-экономических и социально-психологических факторов в процессе их взаимодействия. По нашему мнению, обнаруживается некий «маятниковый эффект»: когда возрастает влияние социально-экономических феноменов, то снижается роль социально-психологических, и наоборот, когда усиливается воздействие социально-психологических факторов, то нейтрализуется влияние социально-экономических. Возможны периоды, когда социально-экономические и социально-психологические факторы взаимодействуют как *паритетные*.

В этой связи важно подчеркнуть, что соотношение интенсивности влияний тех и других факторов не является раз и навсегда установившимся, в их взаимодействии имеет место закономерная *периодичность*. Пока невозможно объяснить, почему принципиально может изменяться соотношение

сил воздействия того или иного фактора, причем до такой степени, что социально-психологические феномены – следствия социально-экономических изменений – становятся причинами последующей динамики социально-экономических феноменов, т.е. ставших, в свою очередь, следствием.

Несколько отклонившись, приведем пример такого «кольцеобразного» сплетения психологических и экономических причин в структуре жизнедеятельности человека, где трудно отличить причину и следствие. Приводим пример уже из современных исследований.

В ходе исследования социально-психологических типов отношения к досуговой активности у пожилых россиян А.Е. Воробьева и А.А. Акбарова (ИП РАН, лаборатория социальной и экономической психологии) получили следующие результаты (см. табл. 1). В русле наших рассуждений имеет значение то, что респонденты первых трех выявленных авторами типов отмечают, что препятствием для проведения досуга желаемым образом является нехватка денег, а для респондентов 4 и 5 типов нехватка денег не является препятствием для проведения досуга желаемым образом (Воробьева, Акбарова, 2019). Можно ли, анализируя представленные результаты, предположить, что в основе субъективно оцениваемого материального благополучия пожилых людей лежат их индивидуально-психологические характеристики? В частности, уровень жизни зависит от такого личностного фактора как «добросовестность», а гедонистическая ориентация личности непременно приведет к экономической неудовлетворенности в пожилом возрасте. И как такие данные соотносятся с теорией эмоционального интеллекта (Гоулман, 2008), сторонники которой отмечают, что успешность личности во многом зависит от ее умения выстраивать позитивные отношения с окружающими людьми? Все это, конечно, далеко от уровня доказательности, и тем более – концептуализации, но в качестве эмпирических гипотез они вполне уместны и даже интересны. Ответы на эти вопросы в сегодняшней социально-

психологической реальности отсутствуют, хотя их поиск чрезвычайно популярен.

Таблица 1. Различия между типами отношения к досуговой активности пожилых людей по личностным характеристикам³ ($p \leq 0,05$).

Шкала	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5
Добросовестность				577,0	326,0
Эмоциональная стабильность		333,5		612,5	
Негативное прошлое			1049,5		381,5
Гедонистическое настоящее	642,5	347,5	1085,5		
Позитивное прошлое				578,5	324,5
Фаталистическое настоящее	415,0	575,0			

Если вернуться к работам, проведенным в конце прошлого века, то можно отметить исследования *особенностей взаимодействия социально-экономических и социально-психологических факторов*. В этом направлении важное теоретическое положение относится к так называемому «зональному» характеру взаимодействия изучаемых факторов. Содержание и результат их взаимодействия определяются интенсивностью (или силой) проявления, воздействия каждого из них. В зависимости от того, какое соотношение сил сложится, появляются качественно различные «зоны» интенсивности взаимодействия (рис. 1). В итоге было выявлено пять зон (подробнее см.: Журавлев, 1998 и др.).

Зона *поляризованного взаимодействия* (I) характеризуется одновременно высокой интенсивностью как социально-экономических, так и социально-психологических факторов.

Зона *жесткой экономической детерминации* поведения личности и группы (II) описывается высокой интенсивностью воздействия экономических факторов.

³ По результатам исследования А.Е. Воробьевой и А.А. Акбаровой.

Зона *невыраженного взаимодействия* (III) характеризуется одинаково слабым влиянием и социально-экономических, и социально-психологических феноменов. В этом случае поведение личности и группы определяется какими-то третьими факторами (например, правовыми). Предполагается при этом, что социально-экономические и социально-психологические факторы часто представлены в латентном виде, потенциально они могут влиять на поведение, но реально, в силу сложившихся условий, такого воздействия не оказывают.

Зона *жесткой социально-психологической* детерминации поведения личности и группы (IV) описывается высокой интенсивностью воздействия социально-психологических факторов, определяющих экономическое поведение, и минимальной силой проявления социально-экономических.

Зона взаимодействия с *паритетной интенсивностью* (V) характеризуется примерно близким воздействием тех и других факторов в средних зонах его интенсивности. Результатом такого взаимодействия является, как правило, колеблющееся, неуверенное экономическое поведение, когда человек с трудом отдает предпочтение одному из вариантов решения (поведения).

Четыре промежуточные зоны на схеме сопряжены с тем, что один из факторов имеет крайнюю (максимальную или минимальную) степень проявления, а оставшийся – среднюю. Трудно выделить референты, по которым можно было бы принципиально дифференцировать взаимодействие с такими интенсивностями факторов от уже описанных зон, поэтому они были отнесены к промежуточным (Журавлев, 1998, с. 30-32).

Общие выводы этих исследований можно свести к следующему. Социально-психологические феномены реально выполняют несколько функций во взаимодействии личности и группы с новой социально-экономической средой. Во-первых, они оптимизируют этот процесс взаимодействия и тем самым способствуют большей адаптивности личности и группы в микросреде (это функция *оптимизации*). Во-вторых, социально-психологические

феномены, будучи связанными и даже порождаемыми социально-экономическими условиями, являются первичными сигналами, показателями, по которым можно оценивать состояние социально-экономических условий жизнедеятельности личности и группы. Фактически они позволяют выполнять *раннюю диагностику* экономических условий совместной трудовой деятельности, причем более раннюю по сравнению с диагностикой по экономическим показателям. Иными словами, они являются самыми первичными референтами того, что конкретные социально-экономические условия необходимо изменять или, наоборот, закреплять (*диагностическая функция*). В-третьих, социально-психологические феномены оказывают в самых разных формах воздействия на социально-экономические условия профессиональной деятельности личности и группы, особенно в ближайшей социальной среде (*регуляторная функция*) (Журавлев, 1998, с. 35-36).

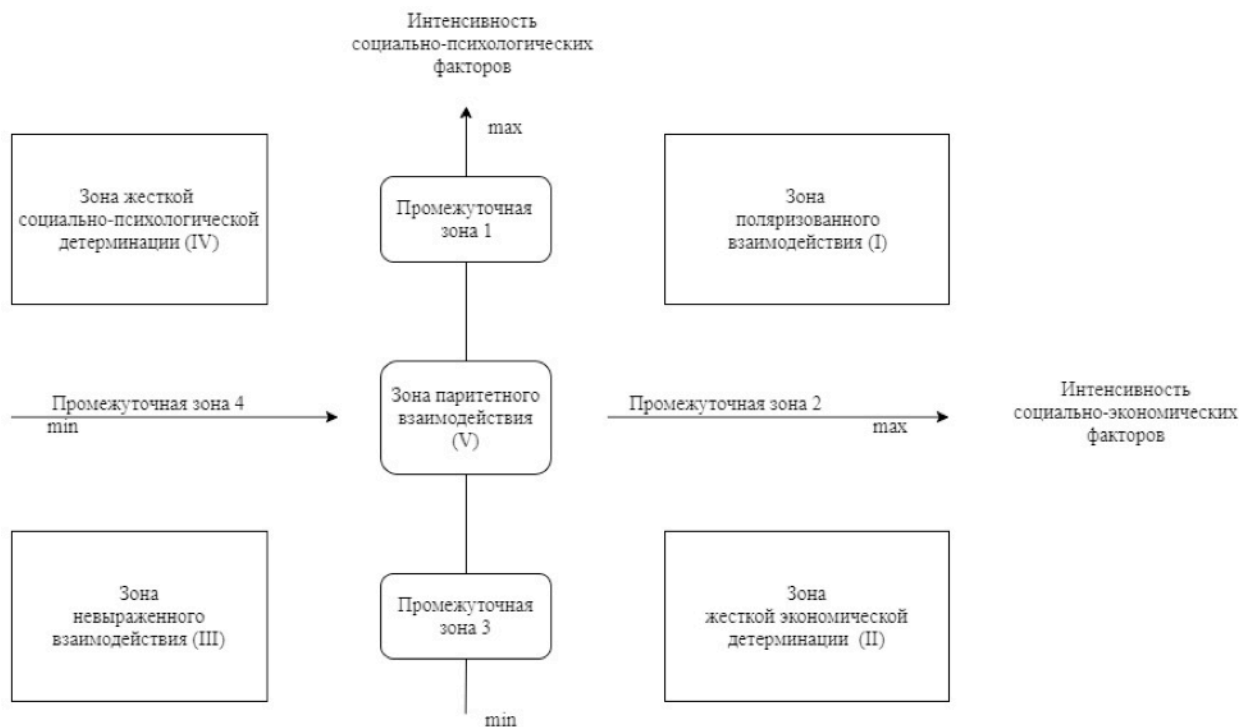

Рис. 1. Схема распределения зон интенсивности взаимодействия социально-психологических и социально-экономических факторов (по: Журавлев, 1998)

Неоднозначность воздействия условий на поведение и деятельность человека и групп – известный факт во многих гуманитарных науках. Она связана с многообразием социальных групп, которое варьируется как количественно – от групп численностью в несколько человек до многомиллионных социальных групп (например, студентов), так и качественно – людей с высоким уровнем жизни, средним или низким.

Таким образом, в условиях масштабных исследовательских ситуаций, во-первых, крайне сложно выстроить универсальную научную модель, корректную по отношению к группам среднего размера и малым группам (Савченко, 2014). Во-вторых, эта трудность обусловлена и тем, что в обществе образуется множество видов сообществ, в результате чего для точного определения характеристик социальной группы необходимо выделить из этих сообществ определенные типы (Авдеев, 2005, с. 97). В-третьих, социальная группа, которая, по сути, представляет собой основу «атомарной» структуры социума, на практике может не оказаться таковой. К примеру, при социологическом подходе, факт юридической сохранности семьи является достаточным основанием для признания успешности брака, хотя он не отражает *качественных характеристик* брачных взаимоотношений.⁴ При этом, сами представления о качественных характеристиках благополучной семьи могут значительно различаться у разных социальных и этнических групп, а также между мужчинами и женщинами, молодыми людьми и пожилыми, в семьях с наличием детей и бездетных и т.д.

Социально-экономическое состояние страны и макропсихологические ресурсы общества

⁴ Возможно, брак на самом деле и распался, но супруги, по разным причинам, не стали законодательно фиксировать данный факт.

С позиций теории всемирных ценностей (см. выше) многообразие стран можно разделить на так называемые «культурные зоны», отражающие сходства и различия социально-экономического и субъективного благополучия обществ. Примером может служить «культурная карта мира» Инглхарта–Вельцеля (Inglehart, Welzel, 2005): расположение конкретного общества в системе заданных координат, отражающих качество жизни, коррелирует со сложившимися в нем философскими, политическими и религиозными традициями.

О таком подходе впервые в мире заговорили 1981 г., а сами исследования проводились до 2014 г. Непрерывный всемирный обзор ценностей (World Values Survey, WVS), ориентированный на исследование воздействия *ценности выживания и самовыражения*⁵, позволил прийти к выводу, что существует связь между выраженностью в обществе *ценностей* и уровнем *благополучия* граждан. К высокому благополучию ведет выраженность ценностей самовыражения, а низкий уровень жизни связан с распространенностью ориентации на выживание. Так, ценности выживания близки восточноевропейским странам, странам *Азии* и *Африки*, ценности самовыражения – жителям *Западной Европы* и *англоязычным* странам.

В большинстве экономически развитых стран от 80% до 90% годового прироста ВВП достигается здесь за счет инновационного сектора, т.е. человеческого капитала (Горшков, 2013). Например, существуют достоверно выявленные связи между уровнем образования населения и уровнем ВВП (Орехов, 2015).

⁵ Ценностями выживания приняты экономическая и физическая безопасность, материальные ценности, нетерпимость к инакомыслию, низкая оценка свободы и прав человека, авторитаризм; ценностями самовыражения — свобода личности, прав человека, материальных благ, успеха, озабоченность экономией, равенством полов.

Вместе с тем стоит признать, что, несмотря на наличие обширной научной литературы, посвященной различным аспектам влияния «неэкономических факторов» на рост национальной экономики, представленные результаты анализа недостаточны. «Сохраняется категориальная разнородность трактовок и классификаций неэкономических факторов, недостаточно разработаны проблемы взаимодействия экономических и неэкономических факторов *экономического роста*, а также вопросы ранжирования и вклада различных неэкономических факторов в рост национальной экономики в *краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном* периодах» (Горшков, 2013, с. 37).

В отечественной практике такого рода вопросы активно обсуждаются экономистами, социологами и психологами, последними это делается несколько меньше. Обратимся к *психологическому* анализу причинно-следственных связей между социально-экономическим развитием и обуславливающими его неэкономическими компонентами – состоянием общества и его психологическими характеристиками.

Наиболее наглядно конкретные состояния и тенденции развития современного российского общества можно проследить в исследованиях социологов. Как показали их многолетние исследования, проводимые с 2006 г., по оценкам россиян в 2019 г. отрицательная динамика выявляется практически по всем основным показателям, характеризующим жизнедеятельность российского общества. Чаще всего россияне отмечают снижение уровня жизни (60% респондентов), пенсионного обеспечения (51%), ухудшение морального климата в обществе (46%) и ситуации в социальной сфере (45%). Чуть менее критично, но также в негативном свете, оценивается россиянами ситуация в таких областях жизни как: межнациональные отношения, демократия, борьба с коррупцией, международное положение страны. Несмотря на наличие в общей выборке значительного количества позитивных и нейтральных ответов, общий

тренд ответов очевиден – «снижение положительных характеристик и рост отрицательных» (О насущных проблемах..., 2019, с. 47). Это соответствует известному факту, что страны, имеющие относительно низкий уровень качества жизни, показывают низкие результаты и по *субъективной удовлетворенности жизнью*.

Это общие факты, но, вместе с тем, можно проследить непосредственную связь между экономическим и психологическим *состоянием* человека (см. табл. 2). Так, хорошее (и даже удовлетворительное) материальное положение человека во многом связано с позитивным психологическим состоянием (субъективным благополучием). На такую взаимосвязь указывает 81% людей с хорошим материальным положением и 63% с удовлетворительным. В свою очередь, 75% людей, которые оценивают свое материальное положение как плохое, указывают на переживаемое негативное психологическое состояние. При этом следует понимать, что прилагательное *социальное* (социально-психологическое состояние) указывает на то, что человек негативно оценивает не только собственное психологическое состояние, но и психологическое состояние людей из своего, как минимум, ближайшего окружения (членов семьи, родственников и друзей). В более детализированном виде, респонденты описывают свое *психологические самочувствие* такими эмоциональными состояниями как *безразличие, апатия, подавленность*, а в 40% случаев испытывают еще *тревогу и страх*. Последствия негативных состояний, по мнению респондентов, *проявляются* через раздражительность, озлобленность и агрессивность. К примеру, такие негативные эмоциональные состояния как тревога и страх, сопровождают жизнедеятельность 40% людей с низким уровнем материального благосостояния. На многие из выявленных социологами фактов указывают и исследования сотрудников Института психологии РАН, которые отмечают, например, высокий уровень агрессивности россиян (Макропсихология современного..., 2009).

Таблица 2. Оценки личного социально-психологического состояния россиянами с разным уровнем материальной обеспеченности, июнь 2019 г.⁶

Социально-психологические Состояния	Уровень материального обеспечения %		
	хорошо	удовлетв-но	плохо
Позитивные, в том числе:	81	63	25
Эмоциональный подъем	20	8	2
Спокойствие, уравновешенность	61	55	23
Негативные, в том числе:	19	37	75
Безразличие, апатия, подавленность	6	10	17
Тревога, страх	9	21	40
Раздраженность, озлобленность, агрессия	4	6	18

Россиян в равной степени расстраивают как объективные условия жизнедеятельности, так и обстоятельства субъективного характера. К объективным факторам можно отнести отсутствие возможностей получать качественную медицинскую помощь (42%), желаемым образом отдыхать в период отпусков (32%), иметь востребованный уровень материального благосостояния (32%) и образования (24%). Из субъективных факторов, россиян огорчает отсутствие возможностей для самореализации на работе (24%) и необходимых условий для выражения собственных политических взглядов (21%), а также низкий уровень социального статуса в обществе (9%). В этом плане показательно, что семейные отношения огорчают лишь 5% россиян, а 58% респондентов указывают на высокую удовлетворенность взаимоотношениями в семье. Таким образом, следует полагать, что огорчения россиян во многом обусловлены внешними социальными факторами, на которые они не могут оказать непосредственное (прямое) воздействие, что, в одном из своих проявлений, может быть чревато состояниями *социального недовольства*.

⁶ Подробнее см.: О насущных проблемах..., 2019.

Если попытаться провести *экономико-психологический анализ* сложившихся в современном российском обществе условий, то будет полезно обратиться к *представлениям* хорошо и плохо материально обеспеченных россиян о *причинах бедности*. В исследовании допускалось до пяти разновидностей ответов, но мы ограничимся анализом наиболее крупных результатов.

В представлениях о *причинах бедности* в сознании хорошо и плохо обеспеченных россиян также находят отражение как субъективные, так и объективные условия жизнедеятельности (данные представлены по: О насущных проблемах ..., 2019).

Если сконцентрировать внимание на субъективных (психологических) причинах бедности, то хорошо обеспеченные россияне считают, что причиной бедности являются такие нематериальные факторы как *вредные привычки* (алкоголизм и наркомания – 49%); *психологические характеристики* самих бедных (лень и неспособность к жизни – 36%); *неспособность нести ответственность* за собственную жизнь (нежелание менять привычный образ жизни – 27%).

Ведущие причины бедности, в представлениях самих бедных (т.е. недостаточно материально обеспеченных россиян), не связаны с какими-либо психологическими параметрами. К таковым они относят длительную *безработицу* (45%); факторы *фаталистического* плана (болезни, инвалидность – 37%); недостаточность *государственных пособий* по социальному обеспечению (34%); *задержку* зарплат и пенсий (33%).

В свою очередь, люди с низким уровнем материального благосостояния, размышляя о ведущих детерминантах материального благополучия своих соотечественников, называют следующие причины: «они скупили *богатство страны*, принадлежащее всем» (58%); «они уклоняются от *уплаты налогов*, уводят свои капиталы *за рубеж*» (46%); «они *коррумпируют власть*» (46%).

В представленных позициях прослеживается очевидная *закономерность*: люди с хорошим уровнем материального благополучия (по самооценке) видят ведущие причины бедности в *психологических* (субъективных) характеристиках личности, а сами бедные (люди с плохим материальным положением – по самооценке) объясняют причины бедности объективными *внешними*, не зависящими от самого человека, факторами. Возможно, что здесь заложены некоторые психологические закономерности, требующие своего специального анализа. Например, известным является тот факт, что среди ведущих психологических причин бедности выделен внешний локус контроля (Дейнека, 2000).

Выше был рассмотрен лишь *экономический аспект* проблемы.

Социальный аспект анализируемой проблемы состоит в несколько другой плоскости. Так, ключевые социальные категории процессов общественного расслоения (сами бедные, а также состоятельные) занимают практически противоположные позиции по данному вопросу. Одни (недостаточно материально обеспеченные) убеждены, что причина бедности кроется главным образом в экономической ситуации в стране, которая усугубляется неблагоприятными жизненными обстоятельствами (такого рода видение ситуации было характерно еще в 2003 г., отмечают социологи). Другие (хорошо материально обеспеченные) корень проблем бедности видят в основном в личностных характеристиках самих бедных. Такие расхождения во взглядах, скорее всего, будут препятствовать «достижению консенсуса по вопросу социальной политики, которая во многом необходима первым и определяется вторыми» (О насущных проблемах..., 2019, с. 39).

Все это позволяет говорить о *психологических факторах*, оказывающих прямое (или опосредованное) воздействие на социально-экономическое состояние россиян. При этом важно понимать, что уровень жизни общества в

целом складывается, как минимум, из трех равнозначных для экономики уровней:

– *микроуровень* складывается из качества жизни конкретных людей (домохозяйств): чем выше уровень дохода семьи, тем выше благосостояние человека, тем больше выплат он организует в бюджет государства в качестве налогов, сборов, инвестиций, благотворительности и т.д.;

– *мезоуровень* складывается из общего уровня качественных характеристик специалистов, задействованных в экономических процессах, в частности, показана зависимость ВВП от уровня образования населения (см. выше);

– *макроуровень* складывается из качественных характеристик управленцев высшего звена, задействованных в разработке и принятии законодательных актов и их реализации (здесь не стоит отказываться и от ответственности граждан, реализующих свои избирательные права). Например, известно, что ведущим фактором эффективного развития общества выступает экономическая свобода для предпринимательской деятельности, а по этому критерию Россия в 2016 г. занимала 153 место в рейтинге с участием 178 государств мира (Рейтинг стран мира..., 2016). Выявлено, что сдвиг от ценностей выживания к ценностям самореализации, ведущий к усилению субъективного благополучия, происходит при нарастании чувства уверенности, смысла, единства («sense of individual agency»), заключающегося в вере в возможность влиять на мир. Как показали представленные выше результаты социологического опроса, россияне еще далеки от таких эмоциональных переживаний.

Таким образом, выявление субъективных (психологических) факторов и методологически обоснованных приемов изучения «неэкономических» ресурсов позволит получить эффективные рычаги регулирования национальной экономики и повышения субъективного благополучия человека.

Макропсихологические исследования в интернете: анализ «цифровых данных»

В современных условиях развития информационных технологий выявление важнейших для общественного развития конкретных психологических факторов⁷ стало возможным посредством *беспрецедентного* масштабного анализа продуктов деятельности человека (текстов, сообщений, информационных релизов и т.д.), представленных в цифровом-пространстве. Рассмотрим некоторые из таких возможностей.

Переход к данной части анализа связан с тем, что расширение глобальной информационной Сети интернет задает новые тенденции социального развития, изменяет интенсивность некоторых из уже сложившихся (Журавлев, Китова, 2017). Интернет в одном из своих проявлений становится источником удовлетворения различных потребностей человека, социальных групп, государств и мирового сообщества в целом. Интернет находит свое применение не только во множестве отраслей экономики, производства и повседневной жизни, но и предоставляет новые возможности для проведения научных исследований. Конечно, пока еще нет возможности говорить о более-менее полном описании психологических приемов и методов исследований в Сети, тем не менее, уже существуют достаточные основания для представления некоторых результатов по этому направлению.

Уровни и специфика макропсихологических исследований в интернете, представленная ниже, отражает сложность процессов получения знаний в зависимости от избранных технологий анализа, которые по мере усложнения, неизбежно выходят за рамки одной научной дисциплины и приобретают *междисциплинарный* характер.

⁷ К примеру, «мотиваторов» стабильного социально-экономического развития общества (Горшков, 2013).

1. *Исследование интернет-контента* (текстов, бесед, видео) с использованием традиционных форм изучения посредством контент-анализа, например. Опираясь на проблематику представленных сотрудниками Института психологии РАН публикаций, можно выделить целый ряд таких направлений: признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов (Ковалева, 2019а, б); обсуждение проблемы безработицы в связи с пенсионной реформой в печатных СМИ и в интернете (Дробышева и др., 2019 и др.); образ романтических отношений в интернет-контенте (Емельянова, Шмит, 2018); психологические аспекты взаимодействия в сетевых сообществах (Воронин, Ковалева, 2019); цифровое поведение и личностные особенности интернет-пользователей (Мурзина, Позняков, 2018); потребности личности в знаниях по психологии (Апреликова, Китова, 2019) и др.

2. *Проведение классических исследований в Сети* посредством прямых опросов с использованием соответствующих сетевых ресурсов, например, «Survey Monkey». Данный ресурс позволяет проводить исследования в онлайн среде, сервером предусмотрен алгоритм загрузки полученных результатов в SPSS Statistics. Мини-опросники присутствуют и в социальных сетях, и в некоторых других ресурсах. К примеру, проведение онлайн опросов в сети позволило выявить, что отношение молодых людей к коррупции, как социальному явлению, имеет выраженную социально-культурную специфику, которая проявляется в структурных и содержательных характеристиках восприятия феномена. В частности, московские студенты проявляют больше негативизма в оценке коррупции и отмечают более широкие ее последствия, чем студенты, обучающиеся в Иркутске (Журавлев, Китова, 2019).

3. *Анализ поисковых запросов в Интернете*. В качестве такого исследования, можно обратиться к изучению потребностей личности в знаниях, например, по психологии. Объектом исследования выступили поисковые

запросы пользователей Яндекса на территории Российской Федерации, в структуре которых присутствовало слово «психология» (Китова, Апреликова, 2018 и др.). Анализ пользовательских запросов учтен лишь за один месяц, в результате обработано два миллиона двести шестьдесят тысяч пятьсот девяносто запросов (2 260 590) со всех регионов России. Как оказалось, у пользователей Яндекса в целом отмечается *высокий интерес* к психологии (рис. 3).

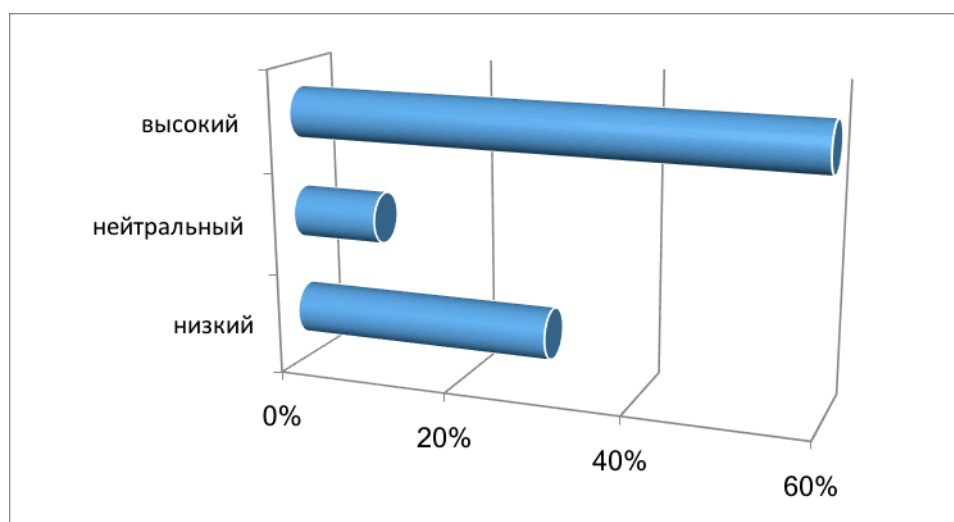

Рис. 3. Интерес к знаниям по психологии среди пользователей Яндекс (по: Китова, Апреликова, 2019)

Максимальный интерес к психологии проявляют пользователи Дальневосточного федерального округа, наименьший – Республики Крым, нейтральное отношение выявлено у пользователей Уральского федерального округа. Уровень интереса к *различным* отраслям психологии также неравномерен. Максимальный интерес у пользователей вызывает учебная литература по психологии. Среди отраслей психологии более других востребованы социальная психология, гендерная психология, психология досуга и психология личности. Минимальный уровень интереса пользователи проявляют к клинической психологии.

Наибольший интерес пользователи проявляют к такой *форме* получения знаний по психологии, как повышение квалификации и далее, по мере

убывания значимости пользователей интересует профессиональная подготовка (переподготовка), психологическое тестирование, тренинги, психологическая помощь и психологическая коррекция.

4. *Автоматизированный анализ текстовых сообщений в социальных сетях (уровень междисциплинарных исследований)*. Традиционные методы частотного и контент-анализа используются в психологических исследованиях для изучения сравнительно *небольших* объемов текста. В рамках обширного интернет-исследования предлагается обращение к использованию *автоматизированного контент-анализа* текстовой информации посредством применения алгоритмических методов и методов машинного обучения. Такой подход позволяет изучить *большие текстовые массивы информации*, не подлежащие ручной обработке (в силу своего чрезмерного объема).

Целью такого исследования стало выявление структурных и содержательных характеристик обращения пользователей к концепту «психология». Объектом исследования выступили пользователи социальной сети Twitter на территории России, а предметом – сообщения (твиты) пользователей, в контексте которых присутствовало слово «психология». Собрано и обработано тысяча семьдесят семь твитов (1077). В исследовании была задействована авторская Автоматизированная система анализа текста. Сообщения извлекались из *открытых источников* в Интернете (Китова и др., 2019).

Автоматизированное разбиение текстов на *токены*, их простейший морфологический анализ и арифметический подсчет позволили произвести группирование ключевых слов в смысловые категории, в основе которого лежит принцип логического анализа содержательных (понятийных и смысловых) единиц твитов.

Как оказалось, обращение к оценке характера знаний по психологии у пользователей Twitter происходит при ситуативном анализе: проблем

повседневной жизнедеятельности; психологических характеристик и особенностей поведения самого пользователя и его ближнего социального окружения; психологических особенностей представителей дальнего социального окружения; психологии как самостоятельного научного направления; рассказов о жизни и философском анализе бытия (о сущности человеческой природы и общества). Полученные данные представлены на диаграмме (см. рис. 4).

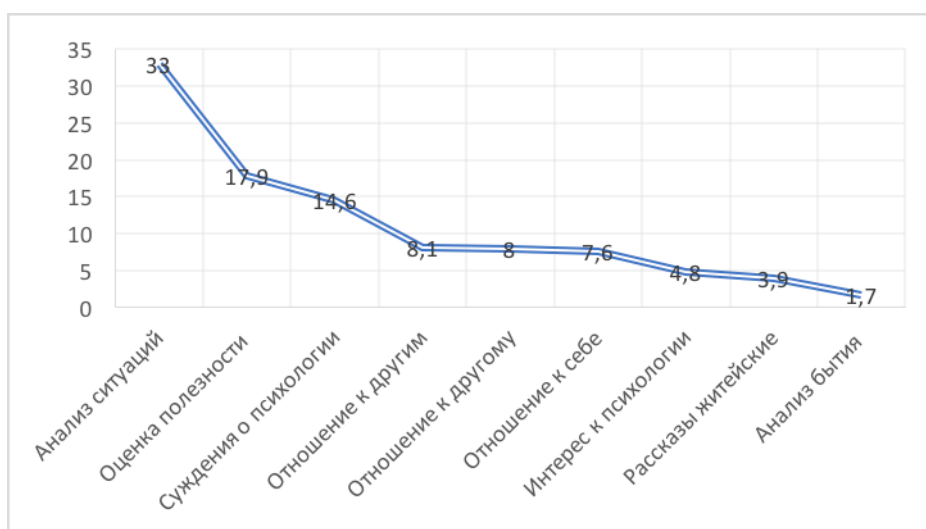

Рис. 4. Частотный анализ сообщений (твитов) по категориям (по: Китова, Апреликова, 2019)

5. *Автоматизированный анализ эмоционального фона высказываний в Сети* (междисциплинарный уровень исследований). Современные технологии с использованием нейронных сетей предоставляют возможности для анализа эмоционального фона сообщений в социальных сетях. Преимущество методов машинного обучения заключается в том, что их генерализация (способность к обобщению) существенно лучше, чем у алгоритмических методов. Эмоциональный фон в излагаемом исследовании оценивался тремя категориями (модальностями) эмоций – нейтральными, положительными и отрицательными. Оценка тональности сообщений производилась с помощью нейросетевой модели Dostoevsky (присутствует авторская модернизация

модели). Апробированная точность оценки эмоционального фона алгоритмом представлена в печати (Китова и др., 2019).

В качестве *результата автоматизированного анализа* могут использоваться следующие значения для каждой искомой сущности (слов и синтаксических конструкций): число упоминаний; число положительных упоминаний; число отрицательных упоминаний; средняя эмоциональная интенсивность положительных упоминаний; средняя эмоциональная интенсивность отрицательных упоминаний; общая средняя эмоциональная интенсивность. В частности, в табл. 3 представлен фрагмент из технологий анализа отношения пользователей социальной сети ВКонтакте к коррупции (табл. 3).

Таблица 3. Фрагмент результатов машинного анализа пользовательских сообщений (по Журавлев, Китова, 2019).

Частотно-эмоциональный анализ твитов	
66 стран* -0.26002374748614704	8 <u>уровн</u> * -0.13883419847115874
59 <u>власт</u> * -0.24079276294724363	8 <u>москв</u> * -0.1448835376650095
23 <u>деньг</u> * -0.2851620041247871	5 <u>услуг</u> * -0.17585311084985733
19 <u>народ</u> * -0.37272917851805687	6 <u>доход</u> * -0.1770093875626723
15 <u>закон</u> * -0.28467416216929753	5 <u>экза</u> * -0.21904342100024224
8 <u>уровн</u> * -0.13883419847115874	5 <u>запад</u> * -0.22218854129314422
8 <u>москв</u> * -0.1448835376650095	5 <u>взятк</u> * -0.23019327372312545
8 <u>нищ</u> * -0.43785796128213406	59 <u>власт</u> * -0.24079276294724363
8 <u>золот</u> * -0.6597038954496384	66 <u>стран</u> * -0.26002374748614704
7 <u>откат</u> * -0.27068523849759785	7 <u>откат</u> * -0.27068523849759785
7 <u>имеет</u> * -0.3259623668023518	15 <u>закон</u> * -0.28467416216929753
7 <u>налог</u> * -0.35841075756720137	7 <u>денег</u> * -0.3214314411754787
6 <u>доход</u> * -0.1770093875626723	5 <u>русс</u> * -0.32586084455251696
6 <u>город</u> * -0.42629722133278847	7 <u>имеет</u> * -0.3259623668023518
5 <u>центр</u> * -0.3962715342640877	5 <u>угроз</u> * -0.3397433802485466
5 <u>угроз</u> * -0.3397433802485466	4 <u>кремл</u> * -0.344361437484622
5 <u>запад</u> * -0.22218854129314422	7 <u>налог</u> * -0.35841075756720137
5 <u>взятк</u> * -0.23019327372312545	19 <u>народ</u> * -0.37272917851805687
5 <u>услуг</u> * -0.17585311084985733	5 <u>центр</u> * -0.3962715342640877
5 <u>экза</u> * -0.21904342100024224	6 <u>город</u> * -0.42629722133278847
5 <u>русс</u> * -0.32586084455251696	8 <u>нищ</u> * -0.43785796128213406
4 <u>кремл</u> * -0.344361437484622	8 <u>золот</u> * -0.6597038954496384

Как показали результаты анализа отношения пользователей социальной сети Twitter к *психологическим ситуациям*, непосредственные переживания негативных и позитивных эмоций обуславливают несходные между собой

ситуации (раздражители). Большинство сообщений по характеру эмоциональных оценок демонстрируют разные ранговые показатели, т.е. люди переживают и радуются по самым различным основаниям, а единых причин эмоциональных состояний не выявляется. Например, нельзя сказать, что люди огорчаются в житейских (бытовых) ситуациях, но в принципе удовлетворены ситуацией в обществе (или наоборот).

Тем не менее, по некоторым проблемам обнаруживаются и «солидарные» эмоциональные оценки. В качестве примера можно рассмотреть *отношение к коррупции* пользователей социальной сети ВКонтакте (рис. 5), которое, как видно из диаграммы, носит ярко выраженный негативный характер⁸.

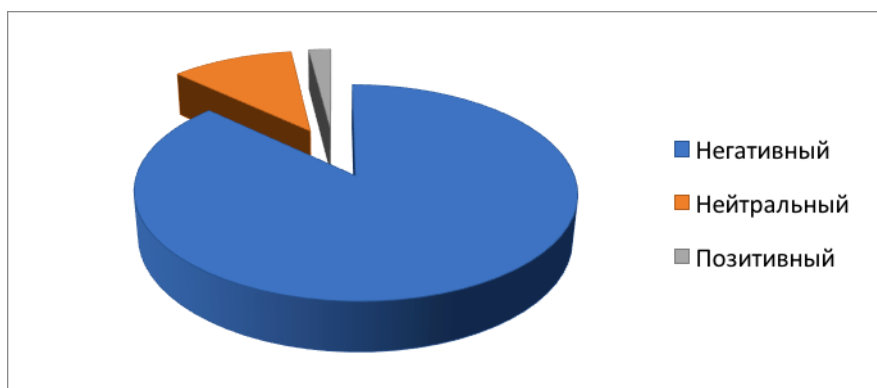

Рис. 5. Эмоциональный фон отношения к коррупции в сообщениях пользователей социальной сети ВКонтакте

6. *Автоматизированный метаанализ больших массивов данных.* Впервые об интеллектуальных системах обработки больших данных начали говорить в начале 90-х годов прошлого века. Одной из первых (1996) и наиболее известной системой интеллектуальной обработки информации стал Google, – система использует технологии машинного обучения и интеллектуального анализа для поиска в очень больших массивах данных. На современном этапе развития информационных технологий наиболее эксплуатируемыми являются

⁸ Позитивная оценка коррупции встречается в основном при ее рассмотрении как удобного способа решения бытовых проблем.

методы сбора и интеллектуальной обработки больших данных (Big Data), машинного обучения (Machine Learning), интеллектуального анализа данных (Data Mining).

Целью машинного обучения (Machine Learning) является автоматизация решения сложных, слабо формализуемых задач в различных сферах. Они имеют широкий спектр таких приложений, как распознавание речи, анализ текста, распознавание образов, прогнозирование временных рядов, категоризация документов и др. В основе метода лежит обучение по прецедентам. Важной является способность нейронных сетей адаптироваться и переобучаться на непрерывно поступающих данных, для получения надежных и репрезентативных результатов (Китова и др., 2019).

При таком подходе, исследовательская задача для психологов состоит в том, чтобы проследить, какие социально-психологические факторы воздействуют на сознание людей в их повседневной жизни (и наоборот, какие характеристики личности и групп могут оказывать влияние на социальные достижения общества). Первая позиция состоит в том, чтобы исследовательский инструментарий был направлен на изучение закономерностей взаимной изменчивости общества и человека, обнаружение *связей и зависимостей* между состоянием общества и психологическими факторами. Вторая позиция соотносится с вопросом о том, в каком направлении будет целесообразнее дополнять *траекторию движения* представленных кривых (рис 6.)⁹.

⁹ На рисунке наглядно представлено как потребность россиян в стабильности (по мере ее насыщения, т.е. продолжительного нахождения в данной стадии развития), сменяется более сложной потребностью – потребностью в переменах (последствия которых не всегда возможно предугадать).

Рис. 6. Динамика ориентаций россиян на стабильность или перемены: 2012-19 гг. (по: О насущных проблемах..., 2019)

По всей видимости, сбор исторического материала и его автоматизированный метаанализ дадут больше информации, чем прогнозирование и длительное ожидание оценок реалистичности ранее выдвинутых прогнозов. Третья позиция связана с необходимостью выявления *полного цикла* перехода общества из одного состояния в другое (по критерию стабильность/перемены), что позволит прогнозировать особенности массового сознания и поведения населения и говорить об опережающем управлении общественными процессами (подробнее см.: Журавлев и др., 2017).

Таким образом, технологии Data Mining при их эффективном использовании позволят надежно приблизиться к изучению развития общества, в том числе, методами «социально-психологической инженерии» (Хальбвакс, 2005).

Обобщая материал о «цифровых» технологиях исследований, развитие которых частично определяется как «смена парадигм» эмпирических исследований, можно выделить целый ряд их преимуществ: удешевление условной единицы научной продукции; повышение эффективности

использования уже существующих и будущих цифровых активов общества; возможности выявления в онлайн режиме «критических точек» состояния общества; качественно новый уровень моделирования социальных систем, посредством их интегрирования с Искусственным интеллектом (ИИ); создание социальных систем общественного мониторинга и моделирования на основе анализа больших массивов данных; широкие возможности создания междисциплинарных команд и интеграции психологического знания в системы государственного управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Россия занимает первое место в мировом рейтинге стран с самыми богатыми природными ресурсами (The World's..., 2019). Общая стоимость ее природных ресурсов составляет 75,7 триллионов долларов¹⁰, что делает ее богатейшей страной мира. Вместе с тем, Россия по Индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) занимает 43-е место в списке из 158 стран мира. Таким образом, ведущая по стоимости природных ресурсов страна мира по уровню развития человеческого потенциала (как и по уровню жизни и субъективного благополучия) отстает от развитых и даже от ряда развивающихся стран (Индексы и индикаторы..., 2018). Как результат, самая богатая ресурсами страна мира по уровню жизни населения занимает 96 место в списке из 149 стран, уступая, как и в предыдущем случае, не только экономически развитым странам, но и странам с развивающейся экономикой, таким как Уругвай, Польша, Словакия и ряд других.

Такое понимание проблемы отражено в работах Ф. Фукуямы, который изучал непосредственное влияние характера общественного сознания на темпы роста экономики в социалистических странах. Автор отмечал разительные

¹⁰ Для сравнения: стоимость природных ресурсов США составляет 45,0 триллионов долларов, а Канады – 33,2 триллиона.

отличия темпов развития экономики социалистического лагеря от 1950-х гг. к 1970-м гг. (когда функционировавшая в них система управления изменялась мало). Американский политолог ссылается, в качестве примера, на тот факт, что приверженность централизованному планированию, отчётливо выраженная в 1950-х гг. в общественном сознании представителей «социалистического лагеря», была подвергнута длительной коррозии и к 1970-м гг. была в значительной мере изжита в широких кругах общества. Снижение веры большинства людей в разумность существующих экономических отношений не замедлило проявиться в снижении темпов промышленного роста этих государств (Фукуяма, 2004).

Таким образом, общественное сознание (как и групповое, и индивидуальное) необходимо рассматривать как важный ресурс устойчивого экономического развития страны (Китова, Апреликова, 2018; Макропсихология современного..., 2009; Психологические исследования глобальных..., 2018). Без понимания психологических условий и детерминант стратегического, тактического и оперативного поведения человека, групп и общества, их психологической природы, направленности и динамики развертывания, реализация социально-ориентированных исследований не принесет ожидаемого практического эффекта.

В свою очередь, развитие глобальных процессов и информационных технологий создают серьезные возможности для развертывания масштабных комплексных исследований и объединения усилий представителей гуманитарных, общественных и технических наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев С.П. Знание в связях социальности. М.: Логос, 2005.

Балаев Р.С. Сетевые войны как доминирующий фактор формирования социальных страхов и «Экзистенциального вакуума» в современном

обществе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2. С. 19-23.

Воробьева А.Е., Акбарова А.А. Социально-психологические типы досуговой активности пожилых людей (на примере жителей московского региона) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 1(46). С. 89-99.

Воронин А.Н., Ковалева Ю.В. Изменение субъектности сетевого сообщества в процессе троллинга // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 3(15). С. 25-61. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document719.pdf> (дата обращения 10.10.2019).

Горшков М.К. Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 2(10). С. 33-43.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2008.

Дейнека О.С. Экономическая психология: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.

Дробышева Т.В., Емельянова Т.П., Дробышева М.М., Шмидт Д.А. Обсуждение проблемы безработицы в связи с пенсионной реформой в печатных СМИ и в интернете // Вестник УРАО. 2019. № 3. С. 49-55.

Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Романтические отношения и готовность к браку, репрезентируемые интернет-сообществами (опыт анализа визуальных сообщений) // Социальная и экономическая психология. Часть 2. Новые научные направления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 321-326.

Журавлев А.Л. Взаимодействие социально-психологических и социально-экономических феноменов в изменяющемся обществе // Социально-

психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С 11-37.

Журавлев А.Л., Китова Д.А. Российское общество на пути к цифровым технологиям: социально-психологические векторы развития // И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет...: монография. М.: Новые печатные технологии, 2019. С. 207-238.

Журавлев А.Л., Китова Д.А. Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3-4. С. 10-21.

Журавлев А.Л., Соснин В.А., Китова Д.А., Нестик Т.А., Юревич А.В. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Индексы и индикаторы человеческого развития URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения 20. 08. 2019).

Китова Д.А., Апреликова Н.Р. Отношение пользователей социальных сетей к знаниям по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2(10). С. 99-128. URL: <http://socio-psychology.ru/engine/documents/document286.pdf> (дата обращения 17.04.2019).

Китова Д.А., Китов М. А., Булгучева Р. М. Автоматизированный анализ звуковых событий как фактор обеспечения психологической безопасности Интернет-пространства / XXII Объединенная научная конференция «Интернет и современное общество». СПб: Изд-во: Университет ИТМО, 2019. С. 137-142.

Ковалева Ю.В. Признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов: на примере социальной сети

Твиттер. Часть 1. Постановка проблемы и методический подход // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1(13). С. 6-40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document659.pdf> (дата обращения 05.04.2019).

Ковалева Ю.В. Признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов: на примере социальной сети Твиттер. Часть 2. Результаты эмпирического исследования // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2(14). С. 46-76. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document684.pdf> (дата обращения 05.07.2019).

Макропсихология современного российского общества / Под. ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009.

Мурзина Ю.С., Позняков В.П. Цифровое поведение и личностные особенности интернет-пользователей // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 3(11). С. 6-21. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document684.pdf> (дата обращения 05.08.2019).

О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан / Отчет по итогам массового социологического исследования. М., 2019. URL: <https://www.bankdelo.ru/news/100in1/pub/2570> (дата обращения 16.10.19).

Орехов В.Д. Прогнозирование развития человечества с учетом фактора знания: монография. Жуковский: Изд-во МИМ ЛИНК, 2015.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы: информация об исследовании / URL: <https://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info> (дата обращения 17.09.2019).

Савченко Д.В. Социальные группы в структуре общества: теоретические концепции и управленческие модели // *Общество и право*. 2014. № 3(49). С. 292-296.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2/3(40/41). С. 8-27.

Хащенко В.А. Субъективная шкала благосостояния и субъективное экономическое благополучие // *Психологический журнал*. 2011. Т. 32. № 3. С. 27-42.

Inglehart R., Welzel C. Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005.

The World's Most Resource-Rich Countries. URL: <https://247wallst.com/special-report/2012/04/18/the-worlds-most-resource-rich-countries> (дата обращения 23.08.2019).

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Avdeev S.P. Znanie v svyazyah social'nosti. М.: Logos, 2005.

Balaev R.S. Setevye vojny kak dominiruyushchij faktor formirovaniya social'nyh strahov i «Ekzistencial'nogo vakuuma» v sovremennom obshchestve // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*. 2015. № 2. S. 19-23.

Vorob'eva A.E., Akbarova A.A. Social'no-psihologicheskie tipy dosugovoj aktivnosti pozhilyh lyudej (na primere zhitelej moskovskogo regiona) // *Vestnik*

Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya. 2019. № 1(46). S.89-99.

Voronin A.N., Kovaleva Yu.V. Izmenenie sub"ektnosti setevogo soobshchestva v processe trollinga // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. T. 4. № 3(15). S. 25-61. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document719.pdf> (data obrashcheniya 10.10.2019).

Gorshkov M.K. Neekonomicheskie faktory ekonomicheskogo rosta: neispol'zovannye rezervy // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2013. № 2(10). S. 33-43.

Goulman D. Emocional'nyj intellekt. M.: AST, 2008.

Dejneka O.S. Ekonomicheskaya psihologiya: Uchebnoe posobie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2000.

Drobysheva T.V., Emel'yanova T.P., Drobysheva M.M., Shmidt D.A. Obsuzhdenie problemy bezraborticy v svyazi s pensionnoj reformoj v pechatnyh SMI i v internete // Vestnik URAO. 2019. № 3. S. 49-55.

Emel'yanova T.P., Shmidt D.A. Romanticheskie otnosheniya i gotovnost' k braku, reprezentiruemye internet-soobshchestvami (opyt analiza vizual'nyh soobshchenij) // Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. Chast' 2. Novye nauchnye napravleniya. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018. S. 321-326.

Zhuravlev A.L. Vzaimodejstvie social'no-psihologicheskikh i social'no-ekonomicheskikh fenomenov v izmenyayushchemsya obshchestve // Social'no-psihologicheskaya dinamika v usloviyah ekonomicheskikh izmenenij. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 1998. S 11-37.

Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Rossijskoe obshchestvo na puti k cifrovym tekhnologiyam: social'no-psihologicheskie vektory razvitiya // I vnov' na

pereput'e? Postsovetskim transformacijam 30 let...: monografiya. M.: Novye pechatnye tekhnologii, 2019. S. 207-238.

Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Social'no-psihologicheskie determinanty razvitiya global'noj informacionnoj seti // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2017. № 3-4. S. 10-21.

Zhuravlev A.L., Sosnin V.A., Kitova D.A., Nestik T.A., Yurevich A.V. Massovoe soznanie i povedenie: tendencii social'no-psihologicheskikh issledovanij. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2017.

Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitiya URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (data obrashcheniya 20. 08. 2019).

Kitova D.A., Aprelikova N.R. Otnoshenie pol'zovatelej social'nyh setej k znaniyam po psihologii // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2018. T. 3. № 2(10). S. 99-128. URL: http://soc-econompsychology.ru/engine/documents/document_286.pdf (data obrashcheniya 17.04.2019).

Kitova D.A., Kitov M. A., Bulgucheva R. M. Avtomatizirovannyj analiz zvukovyh sobytij kak faktor obespecheniya psihologicheskoy bezopasnosti Internet-prostranstva // XXII Ob"edinennaya nauchnaya konferenciya «Internet i sovremennoe obshchestvo». SPb: Izd-vo: Universitet ITMO, 2019. P. 137-142.

Kovaleva Yu.V. Priznaki sovmestnoj zhiznedeyatel'nosti setevogo soobshchestva i lichnostnye harakteristiki ego chlenov: na primere social'noj seti Twitter. CHast' 1. Postanovka problemy i metodicheskij podhod // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. T. 4. № 1(13). S. 6-40. URL: <http://soc-econompsychology.ru/engine/documents/document659.pdf> (data obrashcheniya 05.04.2019).

Kovaleva Yu.V. Priznaki sovmestnoj zhiznedeyatel'nosti setevogo soobshchestva i lichnostnye harakteristiki ego chlenov: na primere social'noj seti Twitter. CHast' 2. Rezul'taty empiricheskogo issledovaniya // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. T. 4. № 2(14). S. 46-76. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document684.pdf> (data obrashcheniya 05.07.2019).

Makropsihologiya sovremennogo rossijskogo obshchestva / Pod. red. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha. M.: Institut psihologii RAN, 2009.

Murzina YU.S., Poznyakov V.P. Cifrovoe povedenie i lichnostnye osobennosti internet-pol'zovatelej // Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2018. T. 3. № 3(11). S. 6-21. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document684.pdf> (data obrashcheniya 05.08.2019).

O nasushchnyh problemah nashej zhizni i vzaimodejstvii regul'yatorov, biznesa i grazhdan / Otchet po itogam massovogo sociologicheskogo issledovaniya. M., 2019. URL: <https://www.bankdelo.ru/news/100in1/pub/2570> (data obrashcheniya 16.10.19).

Orekhov V.D. Prognozirovanie razvitiya chelovechestva s uchetom faktora znaniya: monografiya. Zhukovskij: Izd-vo MIM LINK, 2015.

Psihologicheskie issledovaniya global'nyh processov: predposylki, tendencii, perspektivy / Otv. red. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018.

Rejting stran mira po urovnyu ekonomicheskoy svobody: informaciya ob issledovanii URL: <https://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info> (data obrashcheniya 17. 09.2019).

Savchenko D.V. Social'nye gruppy v strukture obshchestva: teoreticheskie koncepcii i upravlencheskie modeli // Obshchestvo i pravo. 2014. № 3(49). S. 292-296.

Fukuyama F. Dovere: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu. M.: ООО «Izdatel'stvo АСТ»: ЗАО NPP «Ermak», 2004.

Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2/3(40/41). С. 8-27.

Hashchenko V.A. Sub"ektivnaya shkala blagosostoyaniya i sub"ektivnoe ekonomicheskoe blagopoluchie // Psihologicheskij zhurnal. 2011. Т. 32. № 3. S. 27-42.

Inglehart R., Welzel S. Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005.

The World's Most Resource-Rich Countries. URL: <https://247wallst.com/special-report/2012/04/18/the-worlds-most-resource-rich-countries> (data obrashcheniya 23. 08. 2019).

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY UNDER DIGITAL TECHNOLOGIES**

A.L. Zhuravlev*, D.A. Kitova **

*Full member of the Russian Academy of Science, professor, science chief, head of the laboratory, FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, laboratory of historical psychology and psychology of history; 13-1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366;

e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Sc.D. (psychology), leading research officer, the same place; e-mail: j-kitova@yandex.ru

Summary. Problems of quality of life of the person and society acquire special political, economic and social acuteness all over the world. The problem is also relevant for Russia: the standard of living and the level of subjective well-being of Russians have remained relatively low for many years. To get out of the current conditions, society needs to determine the determinants of socio-

** This research was fulfilled in accordance with State assessment № 159-2019-0006.

economic problems, to identify their structural elements, patterns of functioning and cyclic periods of development. With such a statement of tasks, it is impossible to overestimate the regulatory role of numerous, including socio-psychological, factors that are increasingly included in the integration models of assessing the quality of life at the macro-, meso- and micro levels. The micro-psychological level can be attributed to the standard of living of a particular person and his family, at the meso- and macro-level we can talk about the contribution of a person to the development of economic criteria, industrial, regional and national levels. However, until now, socio-economic phenomena are not considered as an integrative product of society (or self-realization of the individual), which is a challenge for interdisciplinary research teams. The appeal to modern "digital resources" of science will allow to get new knowledge, to reveal "points" of social development, to estimate possible variants of managing influence, to model intensity and time prospects of sustainable development of the state.

Keywords: Sustainable development, development indices, standard of living, subjective well-being, psychological determinants, digitalization of science, controlling influence, social technologies, psychological mechanisms